

АЛЕКСАНДР
БУШКОВ

«НЕПОЗНАННОЕ»

РЕЛЬСЫ ПОД ЛУНОЙ

Александр Бушков

Рельсы под луной

«ЭКСМО»

2014

Бушков А. А.

Рельсы под луной / А. А. Бушков — «Эксмо», 2014

Мы думаем, что о Великой Отечественной войне мы знаем все. Или почти все. Знаем о чудовищных потерях, о непереносимой боли, о страданиях, страхах и лишениях. Об этом ведь столько уже написано! Но кто поверит, что у войны есть скрытая, тайная, мистическая сторона, о которой фронтовики либо вообще не рассказывают, либо – с большой неохотой. Будто опасаются, что их могут принять за сумасшедших или за отъявленных лгунов. Так что же там, в сгустке человеческих страстей, окутанных смертью, происходило? Было ли это плодом истерзанного войной замутненного сознания или же это – то самое, что мы с благоговейным ужасом и шепотом называем коротким словом «жуть»?

© Бушков А. А., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Зверь в доме	5
Фасоль в чашке	13
Превосходительство	15
Пан капитан	22
Ночные гости	29
Извинения	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Александр Бушков

Рельсы под луной

Зверь в доме

Вы, Сан Саныч, по молодости лет тех времен не помните, а я их застал студентом. Поздний ребенок, знаете, но это к делу отношения не имеет. В общем, в «оттепель», в конце пятидесятых, как-то вдруг, внезапно стало можно писать обо всем, что раньше в диалектический материализм никак не вписывалось. Припечатывалось «мистикой» и прочими малоприятными ярлыками. Именно тогда стали всерьез посылать экспедиции на поиски снежного человека, появилась масса статей и книг о телепатии, о «летающих тарелочках», об Атлантиде и прочем... Ну, вы сами знаете.

Так вот. Было это где-то в конце пятидесят девятых. Мы как раз получили новую квартиру на Васильевском, гораздо лучше старой, да и Васькин остров – это вам не Охта. Было застолье, конечно, довольно скромное. Отец всегда пил мало, скорее пригубливал, но в тот раз изрядно расслабился. Получилось так, что сидели мы с ним вдвоем, и разговор, не помню уж, каким образом, перескочил на те самые, как бы выразиться, чудеса и явления. Я ими интересовался со всем пылом, газетные вырезки собирал в папки, бегал на лекции и диспуты, мать иногда ворчала, что выходит во вред учебе... Отец с некоторых пор тоже как бы заинтересовался. Иногда брал читать папку-другую, читал старательно (он все делал старательно), но никогда со мной прочитанного не обсуждал, вообще не давал понять, как он ко всему этому относится. А вот теперь, подвыпивши, взял и рассказал. Передаю, как помню.

...Летом двадцать второго засиделся я в Забайкалье, как старый дед за печкой. И пулю вынули, и все зажило, но эскулапы назад в строй категорически не пускали. Что-то им не нравилось в левом легком – то ли хрипы не те, то ли затемнения, то ли что-то еще. Солидные были врачи, военные хирурги с большим стажем, один даже участвовал в русско-турецкой войне. Так что военком к ним относился с большим уважением. И никаких моих заверений, что я себя чувствую полностью здоровым, слушать не желал. А самовольно сбежать в свою часть... Это не восемнадцатый год, не девятнадцатый, когда, случалось, из госпиталей сбегали и с не зажившими до конца ранами, и это преспокойно сходило с рук. В двадцать втором дисциплина в армии уже была потверже. И по военной, и по партийной линии попало бы нешуточно...

Сказали они мне так: два месяца, не меньше, жить на положении выздоравливающего. Климат здешний полезен для легких, окрепнете окончательно – и пожалуйста на службу. А военком (мужик был суровый и бесхитростный) пригрозил, если что, пришить дезертирство с «госпитального фронта».

Неделю я тихо бесился. Даже под большим секретом раздобыл бутылку самогона и употребил до дна, но не помогло – не особенный я любитель спиртного, голова наутро раскалывалась, выворачивало наизнанку, так что никакой пользы.

И вот тут-то, когда я уже отболел, находят меня начальник уездной ЧК с довольно ответственным партийным товарищем. И с ходу, без всяких китайских церемоний, предлагают эти два месяца поработать в ЧК. Очень уж подходящая кандидатура: по происхождению из учителей, то есть можно сказать, трудовой интеллигенции, почти окончил университет, кроме последнего курса, член партии с шестнадцатого года, в Красной Армии с восемнадцатого, кавалерийский командир, характеристики отличные... Начальник ЧК сказал честно: с кадрами у него обстоит ахово, да и кадры эти, как говорится, «гимназиев не кончали», кто-то еще справляется благодаря природной сметке, а есть такие, что... С врачами, меня заверили, есть дого-

воренность. ЧК – это как-никак не армия, требования к здоровью не такие суровые. Одним словом, врачи согласны.

(Уже потом, когда с начальником мы чуточку познакомились, он, подмигивая, рассказал, что заверил эскулапов: «Да он у нас бумажки писать будет с утра до ночи, зашиваясь без грамотного делопроизводства. Мужик был простой, из бывших железнодорожных слесарей, но весьма неглупый и хитрый, как сто чертей.»)

Согласился я сразу. Одного опасался – как бы меня через два месяца не оставили там насовсем, мало ли что им в голову взбредет при острой нехватке квалифицированных кадров. Но оба меня заверили честным партийным словом, что такого не будет.

И события, можно сказать, понеслись. Конечно, за бумажки меня никто усаживать и не собирався. Получил коня, наган и браунинг, на несколько дней поступил «в науку» к опытному человеку – и с ходу мне определили самостоятельный фронт работ. Не такой уж обширный, сложный и пугающий. Старший группы по ликвидации банды Семена Бармина.

С одной стороны, поручение выглядело легким – в тех местах в двадцать втором банд гуляло немало, иные по сотне-две сабель. А у Бармина, по агентурным данным, никогда не было больше трех-четырех человек. А вот с другой...

Очень своеобразной фигурой был этот Бармин. Лет под пятьдесят, местный, бывший кулак высокого полета, тайгу и уезд знал как свои пять пальцев. Что интересно, никогда не пробовал прикрыться хотя бы намеком на «идейность». Практически все атаманы (даже те, кто был не более чем чистейшей воды бандитом) себя выставляли борцами за идею: так, конечно, гораздо приличнее выглядит... Бармин этого никогда и не пытался делать. Если уж называть вещи своими именами, к Советской власти он относился как-то равнодушно, что ли. Нет, конечно, ненавидел за то, что всего лишился, но никогда не вел систематического террора против ее представителей – не то что, скажем, есаул Скойбеда или Короватов. Бармин попросту грабил, все, что удастся, и всех, кого удастся: приисковые конторы, всевозможные кассы, нэпманов, пункты заготпушнины... Брал исключительно золото и пушнину, болтали, где-то в тайге у него был надежный тайник. Вообще, по тем же скудным агентурным данным, он собирався до холодов со всем «нажитым» уйти в Китай, благо было не так уж и далеко. Собственно говоря, как мне потом доверительно шепнули, абсолютно никакой политической подоплеки в действиях Бармина не усматривалось, еще в самом начале, два года назад, его бы следовало пустить по линии уголовного розыска, чтобы хоть немного разгрузить ЧК. Но нашелся один ретивый товарищ, захотел отличиться на «деле Бармина», настоял, что оно все же политическое, возглавил охоту – и получил пулю в спину где-то в тайге уже через пару месяцев. А дело осталось...

Но это все была присказка... Самое главное, Бармин был фантастически, невероятно, нечеловечески как-то даже везуч. Все ему удавалось, ни разу не схватил хламье вместо своей излюбленной добычи, всегда скрывался с добычей, уходил из всех засад – а их за два года на него немало устраивали. Один раз за эти два года удалось взять одного из его подручных – собственно, не взять, а застрелить. Ловушки на него вроде бы устраивали надежнейшие – а он всякий раз то уходил, то не появлялся вовсе. Из-за малой численности банды агентуру туда внедрить было невозможно. Один раз, с год до меня, пробовали ему подставить надежнейшего и опытного товарища под видом матерого уголовника. Товарищ исчез бесследно, ни слуху, ни духу – а ведь больше года проработал в колчаковской контрразведке неразоблаченным, Боевое Красное имел...

Городишко был маленький, немногим краше деревни. И нравы деревенские: на одном конце чихнут, на другом тут же пожелают: «Будьте здоровы!» И очень скоро меня не один и не два человека посвятили в кое-какие местные реалии...

Оказывается, по всему уезду считали, что Бармин то ли связан с нечистой силой, то ли сам колдун и чуть ли не сам сатана. Именно этим его фантастическая везучесть в народе и

объяснялась. И все бы ничего, но я однажды обнаружил, что эту точку зрения совершенно серьезно разделяет половина моей группы, аж три человека. Вот именно, верят всерьез.

Взбеленный я тогда страшно. И по причине молодости, и оттого, что был воинствующим материалистом: интеллигент в третьем поколении, студент-технолог, большевик... Не верил ни во что сверхъестественное, от колдунов до спиритизма. Ничего этого на свете быть не должно, и уж особенно смешно такое слушать в наш век развития науки и технического прогресса. Сгоряча попытался было провести среди своих мистиков разъяснительную работу, ссылаясь на научные данные, естествознание... А они смущенно отворачивались и бурчали: «Валерьяныч, ты человек городской, у вас там, за Хребтом, очень может быть, все и по-другому. А здесь глухомань, здесь всякое бывало и наверняка еще будет...» Требовал у них конкретные примеры – пожимали плечами, глаза отводили: «Так это ж все знают...»

И до того меня разозлило, что кинулся к Луганцеву, начальнику ЧК, заявить, что с такой публикой работать решительно отказываюсь. Луганцев послушал, покряхтел, сказал: «Валерьяныч, так мне ж других взять негде. Ребята-то хорошие, хваткие ребята, у каждого немало заслуг, да и идейно преданны. Иди уж, уживайся с ними как-то, дело надо сделать, а не споры разводить». Ну, и поплелся я... уживаться. Если отбросить дурацкую мистику, ребята и правда были неплохие, хваткие, с заслугами...

Разъяснительную работу я больше не пытался вести, предвидя, что окажется бесполезно. И месяц с лишним мы всемером гонялись за Барминым. Хотя слово «гонялись» следует, безусловно, заключить в кавычки. Однажды он ограбил двух «детальных» золотоискателей, которые шли сдавать намытое золото в контору. В другой раз перехватил не так уж далеко от города нэпмана, ехавшего за каким-то товаром, золотые червонцы отобрал, бумажки оставил, дал на прощанье по шее и исчез. Оба раза мы прилежно выезжали на место, беседовали с потерпевшими, писали бумаги и возвращались в ЧК, потому что ничего другого придумать были решительно не в состоянии. Да еще раза три выезжали по дальним деревушкам, где вроде бы видели Бармина. Безрезультатно.

А потом уже нам фантастически повезло. К нам пришел сторож кооперации, большой, между прочим, хитрован, и сказал, что один его знакомый мужичок из не такой уж далекой деревни хочет... сдать Бармина. Только опасается, чтобы не увидели его входящим в здание ЧК, мало ли что потом подумают... А потому сидит на складе у приятеля-сторожа.

Разумеется, мы туда рванули быстрее лани. Мужичок там и точно наличествовал и Бармина он собирался сдать со всем усердием. Мотив был стар как мир: шерше ля фам... Жила там одна красавица-молoduшка, вдова-сопатка, и наш информатор (всего-то лет тридцати) пылал к ней нешуточными чувствами. Регулярно их высказывал и регулярно же был отвергаем. После чего принялся рассуждать логически, хотя слова такого, «логика», вообще не знал. Проще всего было объяснить такое поведение красотки наличием соперника. Одной с хозяйством нелегко, а претендент на руку и сердце был хозяином справным, да еще неплохо подрабатывал охотой. В деревенской жизни романтики мало, зато прозы жизни более чем достаточно. И Ромео из медвежьего угла подумал: а нет ли у него более удачливого соперника? И какое-то время тише воды ниже травы проводил, выражаясь чекистским языком, оперативно-следственные мероприятия.

Деревня небольшая, дворов в сорок, так что задача встала не столь уж трудная. Кандидата в удачливые соперники попросту не находилось. Будь он, наш доморощенный сыщик быстро узнал бы – в деревне такого не скроешь. Зато он попутно узнал нечто не менее любопытное: к Катке кто-то ночами похаживает.

Ничего не было известно точно. Всего-навсего ходил смутный слухок, неизвестно кем пущенный. Наш герой, используя нешуточный охотничий опыт, установил за Каткиным домом самое натуральное наружное наблюдение. И на пятую ночь все-таки увидел, как из тайги

(Катькин дом стоял от нее всего-то метрах в двухстах) вышел человек, вошел в дом, где и задержался всю ночь, покинув жилище лишь на рассвете.

И человек этот был Бармин, которого наш визитер прекрасно знал в лицо!

Осторожничал, конечно, туда и обратно шел сторожко, с маузером наголо – но был он, клялся и божился парень, один, никто с ним не приходил, не дожидался на опушке. Уж он-то, охотник не из последних, ошибиться никак не мог.

Как и все хорошие охотники, он был наделен нешуточным терпением. И потратил еще две недели, чтобы узнать все, что только удастся. Еще четырежды наблюдал Бармина, объявлявшегося из тайги всегда с одного и того же места. Всякий раз в среду и в пятницу, в среду и в пятницу. И решив, что больше ничего интересного не узнает (да и ни к чему, главное-то известно), без особых колебаний подался в город, в ЧК, справедливо рассудив, что уж там-то с его соперником разберутся охотно...

Время на дворе чуть перевалило за полдень пятницы!

Я не колебался ни секунды. Не было нужды особенно осторожничать – зайти речь о каком-нибудь другом атамане, серьезнее, можно опасаться, что этого «ревнивца» подослали, чтобы заманить нас в засаду и перешелкать, как цыплят. Но Бармин, я уже говорил, подобными штучками совершенно не баловал. Уж всемером-то мы его, баловня Фортуны...

Докладывать по начальству возможности не имелось: начальник мотался с отрядом ЧОНа где-то далеко от города, шел по следам Струкова. Да и вообще, в здании оставалась только охрана и делопроизводитель: время для нас стояло жаркое, все в разъездах. А право на самостоятельные решения у меня было...

Не особенно напрягая фантазию, мы замаскировались то ли под охотников, то ли под небольшую банду: надели обыкновенные картузы, у кого была кожанка – оставил в здании, оружие из кобур разложили по карманам, на плечо – винтовки. Вот такие вот семеро приехали к Грише-охотнику в гости, то ли поохотиться вместе, то ли, могут подумать, Гриша, оказывается, привечает какую-то бандочку. Даже если местное население склонялось ко второму варианту, наши планы это ничем не могло нарушить: деревня глухая, небольшая, осведомителей ЧК или угро тут нет, совершенно точно известно, милиционера тоже, а председатель сельсовета поступил, как все остальные: притворился, будто нас и не видит. Народец за последние пять лет пережил столько, что сидел тише воды ниже травы. Из сорока домов, кстати, чуть ли не половина спалена, а из народонаселения примерно треть кто на том свете, кто подался искать долю получше...

С темнотой, за часок до срока, потихонечку вышли. Ни одна собака на нас не брехала – попросту их не было, всех собак по какой-то своей придури перестрелял пару месяцев назад атаман Булыга, непонятно зачем нагрянувший в это захолустье.

Оказалось, наблюдательный пункт Гриша устроил отличный: на чердаке соседнего с Катькиным дома, стоявшего брошенным, – хозяин не выдержал сложности жизни, еще весной посадил семью на телегу и уехал в город, к какой-то родне. Прекрасно видна была тайга, пустое пространство меж опушкой и Катькиным жилищем, подворье...

Сидели мы там час с небольшим, а показалось – вечность. Но маялись не зря – появился в конце концов! Совершенно неожиданно возник на опушке, будто из-под земли выскочил, постоял чуть и пошел к дому: уверенной такой походкой, прямо-таки хозяйской, хотя видно – стерегся, маузер держал наготове, а свободную руку в кармане галифе. Была у него привычка таскать с собой пару гранат Миллза – это наподобие «лимонок».

Катка его во дворе не встречала – обходились, надо полагать, без лишней романтики. Он попросту вошел в дом, как к себе. Загорелась керосиновая лампа в горнице – отличная, пятилинейная. В ту пору и в тех местах керосин был страшным дефицитом, жили при лучине, но тут, и гадать нечего, Бармин расстарался. Неосторожно, кстати, поступил: за этот керосиновый свет Гриша в первую очередь и зацепился...

Никто, понятное дело, не мог знать, как там у них налажено – то ли посидят сначала за стаканчиком самогонки и душевной беседой, то ли сразу в постель. А впрочем, уже минут через пять лампу прикрутили до самого малого огонька – значит, пренебрегли душевными беседами...

Вот тут его и следовало брать – пока он не на шутку занят. Одного из ребят, что лучше всех стрелял из винтовки, я отправил в тайгу, чтобы сидел там в засаде на случай появления новых лиц. Трех рассредоточил вокруг дома. А сам с двумя направился в дом – по стеночке, остороженько, пригибаясь ниже окон. Полнолуние стояло, хоть иголки собирай...

Входная дверь открылась совершенно бесшумно – ну конечно, Катька петли хорошо смазывала... Гриша у нее бывал и подробно нам описал расположение комнат. Крались мы в сених, как привидения или индейские охотники Фенимора Купера – шажочками, на цыпочках, присматриваясь в полумраке, чтобы не налететь на что-нибудь, не уронить, не опрокинуть... Настроение описать невозможно: каждая жилочка, каждый нерв позванивали, как гитарные струны. Мало ли как могло обернуться. Вылети из двери граната, нас троих на тесном пространстве осколками посекло бы в капусту.

Но потом, когда подкралась к двери в горницу и услышали звуки, стало ясно, что никто на нас засаду не устроил. Они там... занимались вовсю. Бармин еще был наверняка по этой части крепок – Катька так стонала и охала, что, честно говоря, по молодости лет завидки брали...

И мы вломились: здравствуйте вам. Молча, без всяких дурацких криков: «Руки вверх! Чека!» И так все всем было ясно. С ходу осветили их фонариками: хорошие были фонарики, электрические, японские, в свое время достались со складов, когда гнали белых...

Все было расписано заранее. Бармин, как любой на его месте, отстал от событий на несколько секунд, а когда он сорвался с Катьки, Коля Олесин рванул уже маузер из-под подушки и подхватил обе гранаты – они были предусмотрительно, хозяйственно так на полу у изголовья положены. Лиханов кошкой к лампе – и выкрутил фитиль на полную. После чего мы все трое немного отступили, взяв кровать в полукольцо. Окон имелось целых два, и оба открыты, но мы за ними не следили: снаружи четверо, дело знают, вздумай он кинуться к окну, успели бы по ногам шарахнуть... да и не кинется он в тайгу совершенно голым, не дурак...

Катька – а красавица и в самом деле оказалась писаная – так и не завизжала, как следовало бы ожидать. Отпрянула к стенке, уставилась на нас. Бармин, лежа голый, как Адам, тоже смотрит во все глаза – тяжелый взгляд, волчий, так бы и сожрал, злоба, понятно, так и брызжет.

Я его разглядывал с большим любопытством: вот ты каков, сокол ясный... Крепкий мужик, ни сединок в волосах, ни лишнего жира, физиономия человека твердого, усы с бородой аккуратно и коротко подстрижены, скорее на офицерский, чем на деревенский манер. Личность, будь уверен. У такого любая благим матом застонет...

Вот теперь я и сказал ради окончательной ясности:

– Чека, гражданин Бармин. Вы арестованы.

Он не шелохнулся, лежал и жег нас взглядом – опираясь на локоть, можно даже сказать, в непринужденной позе римского патриция: хладнокровен был, сволочь... И вот таким он мне впечатался в память на всю оставшуюся жизнь...

Потом спросил спокойно:

– А мандат какой-нибудь покажете? С подписью, печатью и разными такими штуками? Вдруг вы воры-разбойнички и пришли по мой клад?

Лиханов ему ответил:

– Не дури уж, Семен, смешно... Будто ты меня в лицо не знаешь распрекрасно...

Бармин – выдержка! – сказал не то что спокойно, а даже с ухмылочкой:

– Кто тебя знает, Феденька... Вдруг ты, как говорят ваши комиссары, морально разложился и переродился? Связался с татями? Золотишко и не таких ломало...

Федя пустил его по матери – а он лежал и ухмылялся. Пора было кончать этот балаган, и я распорядился:

– Вставайте, гражданин Бармин, и одевайтесь. И не вздумайте что-нибудь выкинуть. Доставить вас живым или мертвым – особой разницы нет. И нет у меня приказа брать вас непременно живым...

Вся его одежда располагалась тут же, на стуле, – конечно, Олесин успел ее уже перетряхнуть, не обнаружив более никакого оружия.

Бармин медленно так встал, выпрямился во весь рост. Сказал с издевочкой:

– Совести у вас нет, мужики, – с красивой бабы сдергивать. Уж подождали бы...

– Так оно надежнее, – это Лиханов. – Больно уж ты, Семен, везучий...

Бармин отозвался спокойно:

– Так это ж сапоги пропьешь запросто, а везучесть – вот те хрен...

Я прикрикнул командирским голосом:

– Хватит ласы точить! Одевайтесь, Бармин!

Он посмотрел на меня, ухмыльнулся и сказал:

– Сию минуточку...

И, как стоял, упал у кровати на четвереньки. Потом уже, раздумывая, и не раз, мне казалось, что все уложилось в какие-то секунды. Быть может. Скорее всего. Но точно время не оценить, потому что мы форменным образом остолбенели. Вокруг Бармина словно бы задрожал раскаленный воздух (словно над костром), как-то он расплылся, замерцал, что ли, что-то темное вокруг него сгустилось – и не было там уже человека, а стояла здоровенная зверюга, не понять, волк или собака, с теленка прямо-таки, шерсть словно бы бурая, уши торчком, глаза горят. А уж клычищи...

Зверюга стояла и скалилась на нас. А мы остолбенели. Форменным образом. Как статуи. По полу стукнуло – у Лиханова пальцы разжались, наган вывалился. У меня в голове не было никаких мыслей, абсолютно, стоял, не в силах пошевелиться, видел краем глаза, что лицо у Катьки очень уж спокойное, торжествующее даже...

Сколько продолжалась эта немая сцена и всеобщее остолбенение – не знаю. Вряд ли долго. А потом эта тварь, зверюга лохматая, скребнув когтями по полу, метнулась к окну с невероятной быстротой, вынесла башкой закрытую половинку окна – только ее и видели... Снаружи – тишина, ни крика, ни выстрела...

Тут с нас словно бы и спало наваждение. Колени у меня, честно говоря, дрожали, во всем теле была противная слабость, но истуканом я быть перестал. Собрал все силы и прикрикнул:

– Лиханов, мать твою, оружие подбери!

Он подобрал, медленно-медленно присевши на корточки, в лице ни кровинки не было, как у Коли, как, подозреваю, и у меня. А Катька, краса-стерва, лежала, даже не прикрывшись, смеялась:

– Ну что, съели, чекисты лихие?

Вот так... Опомнившись, я оставил ребят сторожить Катьку, а сам кинулся из дома. Все трое были во дворе, и Кашин плелся из тайги – ноги заплетаются, винтовку держит за середину как палку. Добрел до нас и сказал, уставясь в землю:

– Говорили мы тебе, Валерьяныч... А ты нам про науку...

Как потом оказалось, трое из четверых видели, как зверюга вымахнула из окна, вмиг достигла первых деревьев и словно растворилась в тайге. Никто не стрелял, впад в непонятное оцепенение, и я не мог их упрекать, поскольку сам пережил то же состояние... И все это нам не приснилось, а было наяву.

Еще как наяву: когда рассвело, мы нашли в горнице следы от когтей, нашли на улице цепочку здоровенных следов, так и не понять, то ли собачьих, то ли волчьих, а с осколков стекла я собственными руками собрал целый комок длинной бурой шерсти. Все было вполне

материально, так что никак нельзя считать происшедшее каким-нибудь массовым гипнозом. Бармин и в самом деле обернулся непонятной зверюгой и в таком виде ушел...

... К вечеру, сидя перед Луганцевым, мысль была одна: не поверит, ни за что не поверит. Мало ли, что у меня шесть свидетелей (даже семь, включая Гришу, зверюгу с чердака видевшего), мало ли что шерстинки лежат на столе, аккуратно расправленные. Я бы на его месте не поверил, хоть режь...

А он долго пыхал трубочкой – и в конце концов, глядя мимо меня, сказал словно бы устало:

– Теперь понял, Валерьяныч, что в жизни бывает? Кстати, ты почему Катьку не арестовал как бандитскую пособницу, что обязан был сделать?

– Не знаю, товарищ Луганцев, – сказал я честно. – Почему-то... Вот почему-то совершенно не возникло такой мысли. Не возникло абсолютно...

– Ну да, – сказал начальник, подумав и подымив. – Я так полагаю, он и тут что-то такое придумал. Уж не знаю что. Но что-то было, раз ни у кого из семерых и мысли не возникло Катьку арестовать... Я бы тебе много порассказал, Валерьяныч, я местный, только в нашем положении, да с партийными билетами в карманах, вести такие беседы ну никак негоже... Ни к чему. – И словно проснулся, стал деловым, собранным: – Ну, что теперь? Можем мы наверх отписать правдочку?

– Да ни в коем случае, – сказал я, не раздумывая.

– Вот именно, – кивнул Луганцев. – Не всякую правдочку нужно тащить на люди... Напишешь просто: ввиду оплошности засады бандит Бармин, отстреливаясь, сумел уйти в тайгу. Бывает. Ребята будут молчать, как немые. Взыскание я вам всем, конечно, вкачу, как в таком деле без взыскания? Но ты особенно не переживай. Просто никак нельзя без взыскания при таком упущении, начальство не поймет... Да и чекист ты без году неделя, сплеховал по неопытности, случается... Скажем, по трое суток ареста – отбывать необязательно ввиду сложности обстановки, когда каждый человек на счету и не должен на гауптвахте отсиживаться...

– Может, все же Катьку...

Он отфыркнулся, помолчал:

– Знаешь, Валерьяныч, что я думаю? Что Катьки уже в деревне днем с огнем не найдешь. Такое у меня отчего-то впечатление. Да и на кой она нам черт, если подумать... Иди, Валерьяныч, пиши быстренько правильную бумагу, как по оплошности упустил Бармина. А то нам через час в Привалово скакать, там Скойбеда похозяйничал...

На этом все и кончилось. Правильную бумагу я написал, и она ушла в губчека, где не вызвала ни особого интереса, ни особого гнева: и потому, что такое не раз случалось, и потому, что Бармин был фигурой мелкой, не то что те атаманы с сотней-другой сабель. Трое суток ареста нам Луганцев влил своим приказом – и мы их, как он и обещал, не отсиживали. Катька, как начальник и предвидел, из деревни исчезла в тот же день. Да и Бармин с того дня словно сгинул – за два месяца, что я там прослужил, о нем больше не было ни слуху ни духу. Никто со мной эту историю больше не обсуждал, и я ни с кем не стремился ее обсуждать – забыли, как будто и не было. Но, по моему личному убеждению, он, скорее всего, все же забрал свое золото, Катьку и ушел в Китай, может быть, со своими немногочисленными подручными – о них с тех пор тоже ни слуху ни духу.

Что еще? Луганцев не обманул: через два с лишним месяца, когда эскулапы меня все же соизволили признать годным к строевой без ограничений, в ЧК никто силком задерживать не стал, отпустили с неплохой характеристикой. И поехал я в Хабаровск, в свой конный полк. В тех местах никогда больше не был, даже близко. И никогда больше за всю жизнь ничего такого со мной не происходило, чему я только рад. И даже ни разу не снилось в кошмарах.

Однако в память впечаталось намертво, стоит перед глазами до сих пор: голая Катька на кровати, красавица, улыбается будто бы свысока, а у кровати – зверюга... И все это абсолютно

не укладывается в материалистический взгляд на мир, но произошло на самом деле... Пове-
ришь ты или нет...

Вот знаете, Сан Саныч, я почему-то отцу верю...

Фасоль в чашке

(Некоторые пояснения. Рассказчик – хакас, человек совершенно городской, с высшим образованием, чуточку обрусевший, в аале, как называются хакассские деревни, у родственников бывал редко, разве что по большим праздникам. Диссидентами ни он, ни я не были, откуда в нашей тогдашней глуши диссиденты в начале восьмидесятых – но кое-какие «неправильные» разговоры укладкой велись. В тот раз он как раз вернулся из аала, с чьего-то дня рождения. Нами было выпито...)

Саша, вечерком дед рассказал... Первый раз от него такое слышу.

Когда по нашим местам лютовал¹ Гайдар, дед был пацаном, но помнит все хорошо, он и сейчас в полном порядке. Однажды человек десять, одни мужчины, собрались в доме у деда Боргоякова – Боргояков и по годам был дед, и деду приходился родным дедом. Пацана вроде бы хотели сначала выставить, но потом как-то не выгнали, и он сидел в уголке, слушал.

Дед Боргояков... нет, не шаман. Шаман – это серьезно. Они и тогда были, конечно, но старались спрятаться подальше – их частенько расстреливали. В целях борьбы с религиозными пережитками. А дед Боргояков... просто он помаленьку знал то и это: кровь остановить, погадать, подсказать, где искать отбившийся скот... Вот такие мелочи. У нас в языке для таких людей нет особого слова, но люди эти есть даже сейчас... Не колдуны... а просто вот такие...

Оказалось, люди пришли к деду гадать на Гайдара: что с ним будет, долго ли еще станет носиться по нашим местам, ну, в таком вот духе...

Дед еще с вчера замочил фасоль в чашке – положил горсточку, залил водой, поставил в уголок. А теперь достал. Одни фасолины разбухли, легли на дно, другие, сухие, так и остались плавать. Пацан все хорошо из угла видел. Боргояков долго гонял пальцем по воде те фасолины, что плавали, – так долго, что даже смотреть стало неинтересно. Но люди сидели, молчали, старались даже не шевелиться. Потом дед аккуратненько собрал плавающие в горсть, положил на стол, выгреб те, что лежали на дне, долго их мял меж ладонями, потом выбросил в поганое ведро. А остальные опять пустил плавать, но уже не просто гонял их пальцем, а долго на них дул, по-всякому, как-то так на разный манер. Эти он не выбрасывал в ведро, ушел из дома и вернулся с пустой чашкой – где-то во дворе выплеснул. Поставил чашку кверху доньшком, помолчал. Потом заговорил, тихонько, буднично так...

– Здесь ему быть недолго. Скоро его не просто отправят в другое место, а совсем снимут солдатскую одежду. Потому что он больной, очень больной, так что не смогут дальше терпеть даже его начальники. Жить ему еще долго, но мирным человеком. Своих внуков он никогда не увидит. Какое-то другое место, очень далеко отсюда, и ему неожиданная смерть, и очень долго до мертвого никому не будет дела...

Больше дед Боргояков, говорит дед, ничего не сказал. Слушай, если подумать, так оно все и получилось?

Я спросил: «А шаманы никогда не пробовали на него что-нибудь такое... бросить? Они ж могут.

Никогда в жизни не слышал. Слышал я другое... Помнишь, у нас снимали «Конец императора тайги»?

(Ну еще бы не помнить! Дерьмо было редкостное, не имевшее ничего общего ни с реальными историческими событиями, ни с реальными историческими персонажами. Этакие потуги изобразить охоту Гайдара за отрядом Соловьева в виде вестерна. Сокол наш Аркадий Петрович там даже перешибает пулей из нагана аркан, который краснокожие... то бишь бандиты, пыта-

---

¹ Ну да, втихомолку уже в те времена и русские, и хакасы об этом поговаривали – с употреблением именно такого слова...

ются на скаку на него накинуть. А уж до чего красиво, нынче бы сказали, гламурно, вешают верную агентессу Гайдара, разоблаченную ненароком... В общем, дрянь редкостная.)

Многие тогда еще помнили, как было дело по-настоящему. И вот, ты знаешь, ходят слухи... Ничего особенно конкретного, просто слухи... Вроде бы кто-то из стариков рассердился, что они так все перевирают, и кинул что-то на Андрея Ростоцкого, который играл Гайдара. Даже не знаю что, но слухи ходят...

(На том мы разговор о Гайдаре и кончили, увлекшись чем-то другим. Но вот ведь какая штука: не помню, как там было сформулировано, но Андрей Ростоцкий, опытный альпинист, сорвался со скалы как-то так нелепо и глупо, как опытный альпинист вообще не должен. А лично я в силу кое-какого жизненного опыта к шаманам отношусь очень серьезно...)

Превосходительство

Всю бучу поднял Ванька Шушарин, оттого и не сразу приняли всерьез. Потому как – Ванька... Знаете, были такие солдатики: вроде и воюет нормально, как все, и нареканий к нему нет, и характер не пакостный, и пара медалек висит, вполне заслуженных, – но вот хоть ты разбейся, нет к нему от окружающих серьезного отношения. И не придурковат, и ничем не припачкан, а вот поди ж ты, не вполне всерьез его принимают. И уж кого вышучивать, так это его, а то и оборвать, если в серьезный разговор полезет. Без всякой злобы, просто положение в жизни у человека такое: кто Степан Степаныч, кто Иван Иваныч, а этакий – вечный Ванька. И росточком такой сплошь и рядом не вышел, и рожа больно уж простоватая, и что вот характерно, свое положение в этой жизни он частенько понимает правильно, не злится и смирился... Такие не только на войне были, их и на гражданке хватает, может, встречали? Ну вот...

Но давайте-ка мы по порядку. Это, значит, Восточная Пруссия. Короткая передышка выпала – то ли мы силы копим, то ли маршалы что-то такое высокоумное обдумывают, что не полагается знать не только нашему брату, а и всяким там комдивам с командарами – это если с самых верхов глядя...

Расквартировали наш батальон в большущем имении. Я такие раньше видел только на картинках: домище – настоящий дворец, парк такой, что заблудиться можно, лесище на неизвестно сколько гектаров. Но ухоженный. Тут тебе и дорожки аккуратненькие, и всякие беседочки, и озерцо явно искусственное, и статуи стоят там и сям. Цветники-парники там, самые настоящие кареты в сарае. И во дворце – куча всяких картин, ваз и безделушек. Говоря по правде, наши ребята там и сям над всей этой дворянской роскошью поозорничали, ну, не так уж чтобы в мелкие клочки и щепочки, однако малость озорничали...

А началось все с того, что Ленька Одессит – шепутной был малый и весельчак – Ваньку нашего Шушарина взялся разыгрывать качественно. Сказал, будто ненароком слышал офицерский разговор: мол, майор Лактионов говорил комбату, что нашел в столе немецкие бумаги и вычитал, что в парке, где-то у фонтана, клад зарыт – от старых хозяев, причем не сейчас, когда хозяева от нас бежали, а лет сто назад... ну как бы про запас. Наследникам. И Лактионов с комбатом, мол, посоветовавшись, пришли к выводу, что искать клад при их загруженности служебными делами нет никакой возможности, да и для чего им, честно-то говоря, клад? Тут живым бы к жене-детям вернуться, это получше любого клада...

И будто бы офицеры тогда эти бумаги спалили к чертовой матери – пусть и дальше лежит. Место они помнят, так что после войны доложат кому следует, чтобы занялись...

Ванька взвился. Не то чтобы он жаждал золотишка с брильянтами, просто само слово «клад» его завораживало. Он, простая душа, в школе любил читать книжки про пиратов, про клады... Заусило его всерьез. Ему бы подумать, умной голове: с чего бы это хозяева такие бумаги в незапертом столе держали и не прихватили с собой, когда бежали? Ну, то ж Ванька... А вообще, Леха все обставил очень толково: весь батальон знал, что Лактионов немецким владеет не хуже русского. Но не пойдет же ефрейтор Шушарин расспрашивать про клад комбата или начштаба Лактионова? Он же всеобщее посмешище, но не псих...

Фонтан этот – красив был, зараза, хоть и не работал – располагался примерно в полукилометре от дома, посреди аккуратной такой круглой полянки. Вот Ванька и повадился украдкой, когда все уснут, с саперной лопаткой сквозить в парк, к фонтану. Выходом за пределы расположения это не считалось, границами расположения значились границы парка. А солдатик, ночью идущий в парк, ни в чем таком не подозревался: говоря по правде, парк этот сразу приспособили вместо сортира: ну, целый же батальон, а в доме только три ватерклозета, и те не работают по причине нарушения водопровода. Там и офицерский уголок был. На войне, знаете ли, бесхитростно...

Вот Ваньку и стал каждую ноченьку понос прошибать... Припрется к рассвету, весь в земле (хоть и чистился перед тем, как вернуться, но видно ж было, все не счистишь). Плюхается спать, явно злоющий: не дается ему клад, хоть ты тресни...

Один раз мы с Лехой не утерпели – люди вроде солидные, повоевавшие, а туда же, как мальчишки... Ночью тихонечко пошли за Ванькой – от дерева к дереву, перебежечкой, без шума... Вышли к фонтану. Он там, клоун наш, ям накопал штук десять. Представления не имею, по какой он такой собственной системе решал, где копать, но что-то же, видно, такое придумал...

Ну, что? Постояли за деревом близехонько, посмотрели, как он, скинувши гимнастерку, трудится, словно экскаваторщик-стахановец... РАННЯЯ ВЕСНА, ночи прохладные, а от него чуть не пар валит, пот в три ручья – ночи стояли лунные, хорошо видно. Цирк бесплатный, одним словом. Ухохотаться можно, как наш кладоискатель уродуется. Конечно, очень уж надолго мы там не задержались, скоро наскучило, отошли тихонечко и двинули спать, попохатывая меж собой.

Продолжалось это его дурацкое кладоискательство каждую ночь, как по часам, так примерно с неделю. А потом... Началось.

И смешно, и обидно... Мне как раз замечательный сон снился. Будто пришел я с войны, кончилась она наконец, и почему-то жарким летом, в какое и началась. Иду я, стоит моя Верочка в летнем платьице – аж зубы свело. Хватаю я ее в охапку, и начинаем мы друг другу радоваться, да так жизненно все, как наяву, и начинаем мы с ней уже проказничать, как на немецких открытках, вот надо же...

И тут-то будит меня Ванька Шушарин, чтоб ему... Когда окончательно проснулся и понял, что к чему, чуть не залепил ему сгоряча в ухо: вокруг тишина, никакой тревоги... Тут и Ленька Одессит проснулся, и Петрович. А надо сказать, что мы, когда стало известно, что батальон тут и расположится, проявили солдатскую смекалку: быстренько заняли втроем небольшую такую ванную, вовсе не роскошную, как другие, – начштаба, я краем уха слышал, говорил, что это наверняка для прислуги. Конечно, никаких там удобств, шинель подстелил, ею же и прикрылся, но лучше уж спать в комнатухе втроем, закрывши дверь, чем в каком-нибудь здешнем зале, где храпит чуть ли не рота. Кто храпит, кто орет во сне, то и дело через тебя ходят... На войне, конечно, сон каменный, и все равно, так оно было гораздо удобнее...

Дверь Ванька оставил открытой, видно в примыкающей комнате, что там темнотища, только лунный свет в окошко. Злость меня взяла нешуточная, и послал я Ваньку так раскудряво... А с него как с гуся вода. Аж приплясывает:

– Сержант! – Я тогда был сержантом, командиром отделения. – Надо немца брать!

Ленька тем временем вздул коптилочку. Смотрю, Ваньку прямо-таки колошматит в азарте, на месте стоять не может, будто чечетку бьет.

– Какой, мать твою, – говорю я, – немец? Откуда здесь немец?

И действительно, откуда? Вокруг парка наших до едрени матери – там и танкисты расположились, и артполк. Откуда тут немец? В подвале, что ли, прятался? Подвалы здесь громадные, мы их толком изучить и не успели, к чему? Да и комбат настрого запретил туда шляться, потому как там обнаружился винный погреб. И у входа в подвал именно по этой причине был постоянный пост...

Ванька говорит:

– А не знаю откуда, только он там ходит! И не простой немец – генерал! Вот точно говорю – генерал! Весь из себя... как павлин, столько на нем всякого... Сержант, брать надо, он там спокойненько так гуляет, дурной совсем! Генерал же! Я б перекрестился, да я ж комсомолец, в

бога не верю... Чем хочешь тебе клянусь! Генерал ходит! По аллеечке от фонтана неподалеку! Шпацерует², как будто нас тут и нету!

Больше всего мне хотелось если не в ухо заехать, так хоть отmaterить знатно и завалиться досыпать. Вот только сон про Верочку уж точно не досмотришь с того места, где разбудили...

И тут смотрю я, физиономия у Ленки стала что-то уж очень серьезная. Он говорит этак раздумчиво:

– Сержант, а Виттендорф помнишь?

Где ж тут забыть, месяц всего прошел... Городок этот наш комбат, вечная ему память, брал грамотно: устроили такой артобстрел, что небу стало жарко, «Катюши» с артиллерией взаимодействовали, и уж потом пошли мы, пехота. Потери вышли очень небольшие. Короче говоря, от такой канонады немецкий полковник в городке взял да и свихнулся напрочь – это бывало, и у нас тоже, чего там... Часов через несколько после того, как мы город заняли окончательно и подавили всякое сопротивление, вылез на улицу – в полной парадной форме, при орденах, в глазу монокль, в руке тросточка с серебряными украшениями. Уж неизвестно, что он там себе вообразил и кем себя возомнил, но расхаживал он с самым непринужденным видом меж наших солдат, мимо танков, что-то нашим командовал, будто своим, тросточкой указывал туда-сюда – ребята говорили, чистый Наполеон. Будь он грязный и рваный, его, свободно могло быть, пристрелили бы для простоты, чтобы не возиться, но оттого, что оказался он такой расфуфыренный, как-то даже и не подумали хлопнуть... Смотрели и ржали, а он, как ни в чем не бывало, расхаживает, указания отдает... В конце концов двое солдат из второго батальона – скучно им, видно, было, заняться нечем – взяли его за шкуру и отвели в штаб. Он, забавно, не сопротивлялся вовсе, все приказы отдавал, да тросточкой виртуозил.

И ведь за него братья-славяне, оба, получили «За боевые заслуги»! Полковник, хоть и рехнувшийся, оказался какой-то там важной птицей, не интендант. Я так полагаю, наши хотели попытаться его в разум вернуть – раз важная птица, знает много...

А тут – генерал? И вот чувствую я, странное дело, что Ванькин азарт нам помаленьку передается... Ну мало ли? Да на войне такое бывало...

В конце концов не выдержал, команду тихонько:

– Взять автоматы – и за мной!

Вышли мы вчетвером из дворца тихонечко, двинули скорым шагом. И чем дальше мы шли, тем сомнительнее мне становилось. Ну, предположим, какой-нибудь генерал во время нашего наступления свихнулся, как тот полковник. Только где же он неделю прятался так, что никому не попался на глаза? Из подвала бы не вышел мимо часовых, в доме народу битком. Парк вообще-то громадный, и никто его не прочесывал, к чему, может, он неделю просидел в здешней глухомани, в беседке какой-нибудь? Псих, вполне мог... И все-таки крайне сомнительно.

– Ну, Ванька... – говорю я откровенно. – Если набрехал или тебе что померещилось, уж не взыщи, дам в ухо от всей души. И жалуйся потом хоть комиссару, хоть комбату, все равно за тебя, клоуна, под трибунал не отдадут и в штрафную не пошлют... Поорут малость, и обойдется. Ну, может, еще на партсобрании с песочком продерут. Не убийственно. Так что, Ванька...

И тут я затыкаюсь совершенно самостоятельно.

Есть! Идет!

По неширокой аллейке идет, что выходит к фонтану (а вокруг фонтана Ванькины ямы, ха!) Точно, шпацерует, а по-нашему, прогуливается. Аккурат в нашу сторону, метров сто до него, даже отсюда при луне и ясном небе видно, что он в мундире, только вот странноватый какой-то...

---

² «Шпацер» – прогулка.

Передернули мы затворы на всякий случай и пошли ему навстречу быстрым шагом. Он давно уже нас должен заметить, но как шагал, так и шагает... И вот уже можно его рассмотреть очень даже хорошо, вот он весь как на ладони...

Старикан, высокий такой, осанистый, усищи – вот честное слово, товарищ Буденный обзавидовался бы. Седые, на растопыр... И мундир на нем, и через правое плечо лента, на ляжке скрепленная каким-то здоровенным орденом, и вообще орденов у него на шее и на груди – не сосчитать. Пожалуй что, и правда генерал, судя по возрасту, осанке и орденам.

Вот только смотрю я, смотрю – а генерал какой-то определенно неправильный...

Кое-какое представление о том, как выглядят немецкие генералы, мы имели. И в трофейных журнальчиках снимки видели, и одного пленного, издали, правда.

Так вот, этот – не такой!

На голове у него вместо фуражки странноватая такая каска, с длинными козырьками спереди и сзади, а наверху – штуковина вроде пики. И мундир какой-то незнакомый. И на плечах вместо погон – эполеты, густые, здоровенные.

Я как-никак не деревня, я мальчик городской, с восьмилеткой, и книжки почитывал, и дореволюционные журнальчики у деда листал, одним словом, в том-сем чуть разбираюсь. И прекрасно я помню, что эполеты в армии, в любой, не носят вот уж черт-те сколько лет – ну, может, где на парадах, я ж не профессор, всего знать не могу. Но точно знаю: сейчас у немцев эполеты не носят. Этакие вот фасонные, как при Наполеоне, что ли. Или уж до революции...

И вот уже меж нами метров пятнадцать, и ясно, что он нас видит – уставился из-под густых бровей, как двумя шильями сверлит... Я стою даже и в некоторой растерянности: командовать ему «хенде хох», что ли? Так старый ведь пердун, а нас четверо с автоматами, и не видно у него на поясе кобуры, только сабля висит...

И тут Ленька Одессит мне тихонечко говорит странным таким, не своим голосом, я бы даже выразился, испуганным крайне:

– Сергеич, присмотришь... Сквозь него дерево видно...

Ептыть, и ептыть, и еще как ептыть! Точно! Нельзя сказать, что старикан совсем уж прозрачный, но все же некоторая прозрачность присутствует, и прямо сквозь него дерево смутно видно... И соображаю я теперь, что шагает он в сапогах по каменной крошке, ноги ставит твердо, будто сваи забивает – но ни малейшего звука при этом не возникает. Не человек это, а одно видение...

И вот почему-то мне нисколько не страшно, ничего такого, да и мыслей никаких, собственно, и вовсе нету. Но ошолобление напало полное и совершенное, и вроде бы я даже чувствую, как рот у меня разинулся. Ну наяду ж все происходит, не снится! И вот оно, шагах в нескольких, натуральное немецкое старорежимное привидение – теперь уже мне понятно, что генерал старорежимный, уж и не знаю, как это научно назвать...

И вот тут мы, все четверо, как-то так, не сговариваясь, подались в стороночку, даже с дорожки сошли, путь ему освобождая...

И что же происходит? А он, непонятность сучья, останавливается напротив нас и зыркает. Ох, как он зыркал! Вот ясно: у этакого генерала все, кто на звездочку ниже, по струнке ходили... И словно бы холодочком от него потягивает...

Мы стоим. Он стоит, зыркает. И тут вижу я краем глаза, как Ленька Одессит, с обалделым видом, встает по стойке «смирно» и честь ему отдает по всем правилам. И вдруг я то же самое делаю, не знаю, почему, и Ванька с Петровичем тянутся, как миленькие. Сколько я потом это ни вспоминал, одно объяснение: ну вот такой у него был вид, не хочешь, а вытянешься, настоящий генерал, у него не забалуешь...

Стою я так это с рукой у козырька, а голова работает, мысли прыгают: что за хреновина? Стоят братья славяне, четверо повоевавших, отдают честь старорежимному немецкому генералу, который даже не человек, а привидение... Ну вот же ж хрень! А стоим ведь, тянемся...

Старикан вроде самую малость отмяк. Уже не так сурово таращится. Взял да и козырнул нам – не спеша, важно, по-генеральски. Потом кивнул, этак будто бы благосклонно. И пошел в ту сторону, куда и шел. Дошел до конца аллейки, повернулся не спеша – и назад, опять мимо нас. Мы уже не козыряем, но стоим все еще близко к стойке «смирно». Опять он кивнул и двинулся не спеша дальше.

Ленька Одессит шепчет:

– Славяне, отступать пора... Кто его знает, чего он там...

Ну, мы и отступили – так, что ветер в ушах свистел. Нас бы на какую спартакиаду – все вчетвером на ступенечку для первого места втиснулись бы, точно. Добежали до дома, плюхнулись на скамейку – была там фасонная, неподалеку от входа – и чувствую я, что мокрый как мышь, даже жопа, извините, вспотела. Начал сигарку сворачивать – пальцы трясутся, еле управился.

– Не привиделось, – говорю я, не узнавая собственного голоса. – Не могло четверым сразу привидеться одно и то же, не бывает... Что делать будем?

– Комбату доложим, – говорит Ленька язвительно. – А то и комиссару – так, мол, и так, гуляет в парке...

– Ага, – говорю я. – И в особый отдел еще. Чтобы решили, будто мы вчетвером собрались от передка отвертеться, психов из себя симулируем...

– Да я шучу...

– Да я понимаю, – говорю я. – Делать ничего не будем, кроме как помалкивать. Так оно будет жить проще и спокойнее.

Ванька, комсомолец наш, прямо взвился:

– Неправильно это! Такого не бывает!

– Бывает, – спокойно так, веско говорит наш Петрович. – Ты сам видел, что бывает. Я вот не видел, но людям, которым я вполне верю, случалось. А теперь вот и сам...

Петрович у нас был самый старший, лет сорока пяти. С Урала откуда-то. Мне он тогда по моей молодости казался натуральным стариком, ну, да зеленые сопляки из пополнения меня тоже иногда «дяденькой» звали, а мне всего-то двадцать восемь доходило. Ну, усы гвардейские, орден, две медали...

Ванька вдруг вскрикнул:

– Да откуда ж он взялся? Я неделю копал – и ничего...

И язычок прикусил.

– Ох ты, чадушко... – говорит Петрович все так же рассудительно. – Да кто ж не знает, что ты копал? Разыграли тебя, дурня, по полной, а ты и поверил... – помолчал и продолжает задумчиво: – А ведь вполне может оказаться, что это ты его ивы копал с ямами со своими. Слыхивал я про такое.

Я, между прочим, тоже малость и слыхивал, и читывал...

– погоди, – говорю, – Петрович. Ну ладно, будь там могила... Но ведь нет никакой могилы, дураку ясно. С чего бы старорежимные немцы в старые времена своего, генерала немаленького, закопали, как собаку, около фонтана в парке? Ты их семейный склеп видел? Сооруженье...

Петрович говорит:

– Могилы там, конечно, нет никакой. Но все равно, мог Ванька своими ямами что-то такое стронуть. Это бывает. Такое вот. Стронешь что-то – и вот вам. Я, конечно, не говорю, что правду угадал правильно, так ведь правды мы и не узнаем никогда, пожалуй что...

– Это точно, – говорю я. – Только лично я отныне срать буду устраиваться насколько можно ближе к дому. Хватит с меня одного раза... Хоть и было, а не должно такого быть...

– Копать будешь, Ванечка? – ласково так интересуется Ленька.

– Да поди ты! – Ваньку аж затрясло. – Я теперь буду, как сержант, честное комсомольское...

И пошли мы спать – а что еще делать? До третьих петухов сидеть и обсуждать явление? Да пропади оно пропадом! Нам от него ни горячо, ни холодно, нам бы довоевать, чтобы не убило и не покалечило... А рассказывать... Смыслу-то? Я бы вот первый не поверил, выложи мне кто такое, точно.

Так что взяли мы языки на замок. И больше, понятное дело, ночью туда не ходили. Очень может оказаться, он там и дальше расхаживал. Очень может быть, видел его еще кто-то, кроме нас, – но наверняка молчал в тряпочку, как мы, по тем же самым рассуждениям и причинам. Слухов никаких не ходило.

Знаете, мы с Ленькой не удержались, сходили назавтра на третий этаж, где у хозяев висели фамильные портреты, штук сорок. В любом приличном имении так полагалось, я еще пацаном читал. Хотели поискать – а вдруг он там есть?

Вполне вероятно, что и был. Только к тому времени братья-славяне над портретами поозорничали по полной. Какие вовсе выдрали, от каких одни лохмушки, да и на тех, что остались меньше других порезанными и подырявленными, опознать было никого нельзя. Кое-как мы рассмотрели, что там было аж четверо в похожих касках и с эполетами, но лиц уже не разобрать...

Ну вот, а через два дня батальон подняли по тревоге, подкатили «студеры», и кончилось наше мирное житье...

И вот что еще. Может, тут и нет связи, а может, кто его знает... Понятия не имею...

Война, чтоб ей ни дна, ни покрышки, продолжалась еще чуть не четыре месяца. И к девятому мая батальон наш – да и полк – проредило, как траву косой. Да и весь полк, в общем. Личный состав сменился, я как-то слышал от штабных, процентов на восемьдесят. Комполка убило на Одере, попал под бомбежку. Комбат лег на Зееловских. Начштаба майора Лактионова тогда же увезли в тыл с тяжелым осколочным. Начальник особого отдела, комроты, комвзвода – все были уже новые (комвзвода причем третий). Как с солдатами обстояло, я уже говорил.

Им от нашего отделения остались только мы четверо – я, Ленька Одессит, Петрович и Ванька Шушарин. И были мы, вот как бы выразиться, будто замороженные: ни царапинки! А ведь мы не в тылу отсиживались, мы все это время безотлучно находились в боевых порядках, участвовали во всех атаках. Ну конечно, таких везучих, если вспомнить штабиста и посчитать, был каждый пятый, и все равно, как-то так оно получалось везуче. Несколько раз личный состав отделения менялся, а мы четверо – будто заколдованные. Капитан Бирюков из полковой разведки (тоже из старых) однажды встретил нас, будучи выпивши, так и сказал:

– Хлопцы, заговоренные вы, что ли?

Мы, конечно, с самым дурацким видом пожали плечиками – а что тут еще скажешь? Ленька Одессит говорит спокойненько:

– Так ведь и у вас, товарищ капитан, за полгода ни царапинки? Прямо как одна бабка ворожит...

Бирюков фыркнул, хмыкнул, покрутил головой и пошел себе дальше... И я давненько уж думаю: а может, это наше везение и неспроста? Не само по себе? Может, оттого, что мы того генерала приветствовали честь по чести, не стреляли в него, вообще не дурили, он нам этого самого везения, как солдат солдатам, и подбросил? Не гитлеровец, как-никак, со старых времен, бравый, точно, вояка...

Может быть или не может? А черт его знает. До того я полагал, что не может быть так, чтобы генеральские привидения шлялись по аллеям преспокойно, да еще обменивались с живыми отданием воинской чести. А оказалось, может. Вот и пойми тут, чему положено быть, а чему нет. Да, а после войны я не утерпел, посидел в библиотеке, покопался. Все сходится. Такие вот мундиры, эполеты и каски немцы носили, я себе выписал и запомнил, во второй

половине девятнадцатого века. А уже в Первую мировую каски были чуточку другие, тоже с пиками, с козырьками, но весьма отличавшиеся по виду. И стало мне на душе совсем легко: козырял я все же не поганому гитлеровскому генералу, а другому, со старых времен, когда немцы с нами не воевали. А это совсем другой коленкор, если рассудить...

Пан капитан

Я тут недавно слышал уже современную песню. «Батальонная разведка, ты без дел бываешь редко...» Сочиняли, скорее всего, молодые, невоевавшие, но песня хорошая. Дух передает. Мы, правда, были не батальонная разведка, а – полковая, но сути дела это не меняет. Разведка без дел бывала редко...

Значит, Польша. Немцы вовсе не драпали, драп – это весьма беспорядочный, мягко выразимся, отход. А сейчас они отступали в полном порядке, организованно, но так быстро, что сумели от наших передовых частей оторваться на изрядное расстояние.

Наш авангард встал, а где были немцы – неизвестно. Воздушная разведка ничем на сей раз помочь не могла, получилось, как в другой песне: «Мы к земле прикованы туманом». Несколько дней стояла низкая облачность, наша авиация действовать не могла – но, что приятно, и немецкая не могла нам пакостить. По-шахматному – пат.

И чутье подсказывало, что нас-то, скорее всего, и пустят в дело. А впрочем, никакое это не чутье, а военный опыт. Не первый год воевали. Это же азбука: что делать, если противник оторвался от наступающих на неизвестное расстояние, и неизвестно, где он вообще? Разведку посылать, конечно.

А потому я ничуть не удивился, когда меня вызвал майор Гореликов и сказал:

– Лейтенант, возьми пару-тройку своих орлов. Задача будет следующая...

Задача оказалась чуточку не той, как я, такой стратег, поначалу решил. Предстояло не просто выяснить, где находится противник, а выйти к конкретной точке...

Километрах в десяти отсюда был мост. Судя по фотоснимкам авиаразведки – вполне себе капитальный, способный выдержать и танки, и прочую бронетехнику, а это для нас оказалось чертовски важно: мост этот – единственный такой на протяжении доброй сотни километров. Вот только последние снимки были сделаны месяца три назад, когда мост был еще в немецком тылу, а как с ним обстояло сейчас – никто знать не знал. Немцы, понимая его важность для нас, могли и подорвать. Но, с другой стороны, отступали так быстро и приказ на отход получили, как стало известно, внезапно... Могли и не успеть. В этом случае карта для нас ложилась козырная: не тратить черт-те сколько времени на устройство переправ, а воспользоваться готовеньким.

Я отобрал троих, и мы пустились в путь. Причем в совершенно шикарных условиях: не ножками топали, а мчали на специально выделенном «Виллисе» с отличным, как нас заверили, водителем. Сложившаяся обстановка позволяла. По нашим меркам, это была прямо-таки царская роскошь: разведка, знаете ли, большей частью своими ножками, а то и на пузе...

Впятером в «Виллисе» тесновато, да вдобавк мы на всякий случай прихватили «МГ» с полудюжиной малых магазинов для ручняка. Очень нужная в хозяйстве вещь. Когда идешь за «языком», такую штуку с собой не потащишь, а вот для той задачи, что перед нами была поставлена, хороший пулемет был в самый раз. Мало ли что... Не немцев следовало опасаться, а поляков... С польской «партизанкой» черт обе ноги сломал бы: аковцы были заранее против нас, но одни устраивали нападения и диверсии, а другие держали нейтралитет. Были еще те, что за нас, были этакие, что непонятно кто, были украинские националисты, опять-таки всяких разновидностей, бродили белорусские «дубровники», та еще сволочь... В общем, компот с сухофруктами, солидолом и гайками. Особист ситуацию характеризовал очень матерно, и я с ним вполне соглашался. Правда, он заверял, что по эту сторону реки на полсотни в округе нет никаких банд или отрядов – немцев тут скопилось много, и ушли они слишком быстро, так что никто другой не успел бы заполнить пустоту, которой природа не терпит. Хотя сам особист соглашался, это – в теории. А на практике бывает по-всякому, какая-нибудь пряткая компания могла и подсуесться. Ну, да мы не дети малые, ага...

Значит, километров десять до моста, за мостом километрах в трех польский городок с непроизносимым названием. А это уже совсем хорошо. Населенный пункт – как известно, источник информации, не всегда ценной и важной, но всегда – какой-никакой. С польским, правда, у всех у нас обстояло сквернейше, зато с немецким гораздо лучше, а мы уже убедились, что среди поляков немало знающих немецкий.

И помчал наш героический «Виллис» в полную неизвестность. Впрочем, нельзя сказать, чтобы так уж особенно помчал – двигались мы не по широкой немощенной дороге, а по обочине, по дикой траве, а значит, без особой спешки, посматривая, как бы не ухнуть в яму. Соваться в таких условиях на дорогу, особенно немощеную – нема дурных. Это серьезный мост серьезно минировать придется долго, а вот поставить мину на дороге для опытного сапера – пара пустяков. На этих десяти километрах по врожденной своей пакостности гансы могли зарыть этого добра несчитано. А нам хватило бы и одной...

Ну, и рация у нас была. Окажись мост цел, по нему тут же рванул бы батальон самоходок, а следом – пара батальонов пехоты на «студерах» и артиллеристы. Словом, силы, достаточные для того, чтобы в случае чего укрепиться и дать время переправиться достаточному количеству войск. Сапера нам предлагали, но мы отказались – с сапером мы эти десять километров продвигались бы часов несколько, а оно нам надо? Оно никому не надо. Так что – по обочине, глядя в оба, полагаясь на Фортуна...

Пейзаж был ничем не примечательный: дорога, негустой лес с обеих сторон... Скука. Даже не скука, а некая унылость окружающего: небо густо-серое, так что солнышко даже тусклым огоньком не проглядывает, время к вечеру, сумерки начинают сгущаться помаленьку, в лесу, хоть он и негустой, уже ничего рассмотреть нельзя. И тарасились мы по сторонам в оба, все, кроме водителя: такая вот погодка – самое распрекрасное время для того, чтобы, укрывшись за деревьями, подстеречь одинокий «Виллис», который в окружающей мертвой тишине за версту слышно...

Честно говоря, тоску навевала эта сумеречная серятина – ну, да нам некогда мерихлюндиям предаваться, мы на боевом задании, и сумраком со сгущавшимся в лесу белесым туманом нас не особенно и смутишь. Главное, следить, чтобы из этого тумана не объявилось нечто непотребное по наши души – все равно, с коронованным ореликом на шапке, или с трезубом...

В полном соответствии с картой дорога круто заворачивала вправо – а потому водитель сбросил скорость изрядно – за крутым поворотом, случается, тебя и ждут с самыми нехорошими намерениями...

И тут – нате вам! Опа!

Нет, там не оказалось никакого такого комитета по торжественной встрече с парой пулеметов на изготовку. Примерно в полукилометре впереди стоял целехонький мост, текла река, унылая, серая, в цвет окружающему...

А метрах в пятидесяти от нас, на той же обочине, что и мы, стоял обмундированный человек. И, завидев нас, ровным шагом пошел навстречу.

Я сказал своим тихонечко:

– Орлы, ждем сюрпризов...

Ну, орлов не было нужды учить: Паша Гонтарь повернул пулемет налево, Олег автомат изготовил для стрельбы направо, а Малыш без всяких дипломатических церемоний взял идущего на прицел, весьма демонстративно. Мало ли что. Может, он здесь выставлен зубы загонивать, пока по лесу к нам крадутся...

Машина встала. Мишень получилась роскошная – ну да что ж тут поделаешь... Неизвестный сей прекрасно видел, что взят на прицел, но шагал, как ни в чем не бывало. Хорошо шагал. Выправка чувствовалась. Польский офицер в полной довоенной форме – шинель без морщинки, португез сидит идеально, как и фуражка, знаки различия начищены, одной рукой придерживает саблю, другой отмахивает – фасон есть, ничего не скажешь, лицо спокойное,

словно это и не в него целят из пистолета-пулемета Судаева. Черт его знает, кто он там по званию, я в их довоенных званиях не разбирался совершенно, но вряд ли генерал или даже полковник – молод...

Ну, мы тоже при нужде фасонные мальчишки, не простяга-пехотушка, хоть она и царица полей... Я спрыгнул наземь, одернул гимнастерку, поправил фуражку. Конечно, по многим статьям я ему проигрывал: я, конечно, был не в мятом и рваном, разведка как попало не ходит, но все равно, я-то был в повседневном, с полевыми погонами, а у этого фертика вид скорее парадный. Ну да переживем. Немцев, как-никак, гонит не он, а мы, от этого и будем плясать...

Остановился он шагах в трех от меня, приставил ногу и по своему манеру этак четко кинул два пальца к козырьку:

– Капитан Мартин...

Это-то я без труда понял – а вот фамилию его не смог бы повторить и под угрозой военного трибунала. И не запомнил даже.

Сочетания букв такие, что язык своротишь...

Ладно. Если с нами по-хорошему, то и мы не кусаемся... Козырнул я как мог четче:

– Лейтенант Иванов! – Не стал я ему говорить настоящую фамилию, к чему? И продолжаю уже по-немецки: – Пан капитан, я не понимаю по-польски. Может, вы говорите по-немецки?

А про себя думаю: это что же, аковцы городок заняли? Прежде за ними таких подвигов не числилось, но мало ли как в жизни оборачивается? Осложнениями пахнет... Капитан преспокойнейше отвечает:

– Говорю. Смею думать, неплохо.

Отмечаю, что произношенье-то у него лучше моего: очень может быть, изучал серьезно, с преподавателями, а не так, как я, грешный, на войне школьные знания с грехом пополам собирал, с пленными говорил, словари долбил... Пока я замешкался, он продолжает:

– Я так понимаю, пан лейтенант, вы направлены в разведку?

– Совершенно верно, пан капитан, – отвечаю я, словно заправский дипломат. – Мне нужно было выяснить, цел ли мост... теперь вижу, что цел. Еще мне приказано установить, где немцы.

– Немцы уже очень далеко отсюда, – отвечает капитан. – Не могу сообщить вам точного расстояния, поскольку его не знаю, но они, без сомнений, довольно далеко. Ваши войска, конечно, пойдут по мосту?

– Конечно, – отвечаю я. Не выдавая тем самым никаких военных тайн – любой же догадается, что при наличии исправного моста войска по нему и пойдут, а не вплавь кинутся...

– Вам не следует спешить, – говорит он, словно приказывает. – Пошлите сначала на мост саперов. Немцы его заминировали хитро, очень хитро... – посмотрел на меня, вздернул подбородок и сказал со всем гонором: – Слово офицера.

– Я и не сомневаюсь в честном слове офицера, – говорю я. – Не скажете ли, пан капитан, какая власть в городе?

– Никакой, – отвечает он спокойно.

Эге, думаю, это уже лучше... И спрашиваю:

– А не знаете ли вы, ставили они мины на дороге?

– Ни единой, – говорит капитан. – Очень уж спешили... – И лицо у него делается крайне презрительным.

У меня язык чешется порасспросить его на другие темы: что он тут делает в одиночестве при полном параде? И кого, собственно, представляет? Не может же он в совершеннейшем одиночестве слоняться по округе?

Но это уже совершенно ненужное в данный момент любопытство.

Главное я узнал. Вряд ли он врет, что мост заминирован, – а зачем ему, собственно, врать? Чего он этим враньем добьется? Ну, задержит продвижение войск на несколько часов, пока саперы поработают – и чего этим добьется?

Смотрю я вокруг: сумерки сгущаются, скоро совсем стемнеет, туман уже из леса выполз, над речкой стелется, начинает мост заволакивать, к нам подползает... Неуютно. Нам еще назад возвращаться. И доложить по радиии сначала, как обстоят дела. Так что я ему откозырял, как на смотрю:

– Благодарю вас, пан капитан.

– Не стоит благодарности, пан лейтенант, – отвечает он невозмутимо. – Я сделал все, что в моих силах. Честь имею!

Снова кидает два пальца к козырьку, поворачивается и уходит – уже в туман, заволокший обочины, так что вскоре пропадает с глаз, на какое-то время остается темный силуэт, а потом и он пропадает. Остаемся мы одни, в полной тишине, в сумерках и подползающем тумане.

Олег быстренько радировал, что надлежит. Я ненадолго призадумался, как ехать назад. Если снова по обочине – будем тащиться в тумане, расшибемся в два счета, сами, может, ничего и не поломаем, но машину угробим точно, и придется нам тащиться десять километров пешком уже в полной темноте, да еще и в тумане. А ведь можем и поломаться... Капитан давал честное офицерское, что мин на дороге нет. И хотя разведчик обязан не верить с ходу и кому попало... Что-то в нем было честное. Что-то располагало. Я и приказал водителю:

– Жми, старшина, по дороге. На полной жми. Противотанковая под нами все равно не сработает, легонькие мы для нее, а если противопехотка... Авось да небось!

Он и врубил полный газ. Летим мы, темнеет, туман с двух сторон наползает... Хорошо еще, километров через пять кончился лес, а с ним и туман – так, клочья по полям колыхались.

Прибыли-доложились. Поскольку я, как ни ломал голову, не придумал, как мне характеризовать капитана, доложил просто: «Сведения получены от местного жителя-поляка». Никакой неправды тут не было: явный поляк и, уж безусловно, местный. А деталей с меня тогда никто и не требовал. Потом, правда, когда выдалось время, написал, как было: подошедший человек в довоенной форме польского офицера... возраст примерно... внешность примерно... фамилию воспроизвести просто не в состоянии... Особисты очень заинтересовались, это ж как раз по их линии.

Но это уже в городке. Не будем забегать вперед батки в пекло...

Ночью, естественно, на мост никто не полез – не горело и не было приказа свыше. Саперы пошли на мост, когда хорошо рассвело. Ну, и очень быстро разобрались, что к чему. Хитрушку немцы удумали неплохую, саперный капитан говорил, что раньше с таким не встречался. Взрывчатки была вбухана масса, заминированы быки, настил снизу. Но хитрушка – в системе подрыва. Немцы положили и хорошо замаскировали контактные взрыватели, поперек проезжей части, и, что самое главное, в паре метров от противоположного берега. А мост был длиной метров семьдесят. Причем на пешеходных тротуарах, приподнятых над проезжей частью примерно на метр, ни единого взрывателя не было. Пешая разведка, конечно, пошла бы по этим тротуарам, вернулась целой-невредимой и доложила, что все в порядке...

Немецкий минер с фантазией был, сволочь... Представьте: втягивается на мост колонна, не важно, танков, самоходок или машин. На семидесяти метрах техники уместится немало. И, почти достигнув того берега, передняя машина попадает на взрыватели, и мост взлетает на воздух вместе со всеми, кто на нем есть. Двух зайцев одним махом, называется... Мы на этом направлении никогда прежде не пускали против них разведку на колесах, ни машины, ни броневички. Всегда пешую. Вот они и привыкли к такому шаблону... А чтобы кто-то из городских раньше времени не двинул на мост с какой-нибудь телегой и не испортил им замысел, они на протяжении метров трехсот на том берегу засеяли буквально дорогу шпринг-минами – и «проговорились» местным, что по обе стороны реки дорога на километр заминирована. Те и

не совались. То есть получается, отход они объявили внезапно, но планировали его заранее – и спецгруппа не спеша, обстоятельно работала над мостом. Если бы не капитан... Мы никак не могли налететь на взрыватели, у нас не было приказа осматриваться на том берегу, от нас требовалось лишь оценить состояние моста и возвращаться. Мы бы вернулись, доложили, что мост цел, – и, сто процентов, согласно плану пошли бы самоходки, невзирая на ночную пору...

Первый раз за всю войну я столкнулся с подобным отрывом противника – и вот как обернулось. Пошел слухок, что всю нашу группу представили к «Боевым заслугам» – кстати, дали потом. Но не будем отвлекаться...

Когда саперы перерезали все провода и гарантировали, что сюрпризов не будет, поутру началась обычная работа. На дворе стоял сорок четвертый, так что с техникой обстояло неплохо. Саперы пустили по дороге танк с тралом, шпринги стали выпрыгивать тучей, они ж предназначены исключительно против живой силы, у них усики срабатывают от малейшего касания... Стальных шариков каждая «лягушка» выплевывала, как обычно, пару пригоршней, но танку на такие подлянки как-то глубоко наплевать... И рванула через наш сбереженный мосток вся дивизия, разворачиваясь по всем правилам.

Чутьочку забегаю вперед – немцев обнаружили километрах в пятнадцати на юго-востоке, они там ставили оборону, окапывались, как бешенные кроты. Наши тоже остановились и стали окапываться – одним словом, наметилась привычная линия фронта.

А мы сидели в городке. Городок заняли очень быстро, без единого, конечно, выстрела. Немцы там порушить ничего не успели. Старинный такой городок, центр из старинных зданий – залюбуешься. Поляки, как мы уже привыкли, нас встретили с этакой мрачноватой насто-роженностью: кулаков не показывали, но и не улыбались, похаживали, не проявляя никакого любопытства. Правда, уж это как закон, объявилась куча торговцев чем попало, стали виться вокруг наших, уж эти-то улыбались на сорок два зуба, и каждый второй чуть ли не коммунист и подпольщик, а каждый первый русских обожает до дрожи в коленках, почище, чем родную маму. Ну, профессия такая, что скажешь...

И чуть ли не первым в городок примчался Лева Вигель из СМЕРШа со своими ребятками – вот эти польский как раз знали неплохо.

В первую очередь нашел меня, расспросил насчет капитана. Я его знал давненько, потому что так сложилось, что именно я обеспечивал взаимодействие полковой разведки со СМЕР-Шем. Толковый был парень. Лишних вопросов я ему не задавал, сам прекрасно соображал, что они начнут искать капитана. В самом деле, такой персонаж – интерес именно что СМЕРШа, а не особистов. Мало ли какие они могли крутить комбинации. Может, проверить на связь с аковцами или «стронничеством збройным» (еще почище сволочила), может, присмотреть для поляков. В Люблине к тому времени сидело наше польское правительство, и всевозможные кадры для них сплошь и рядом подыскивали наши. Ну, спрашивать не положено, перебежеся... Я сразу подумал, что капитана они найдут быстро, не похоже, что он особенно скрывается, если сразу после ухода немцев принялся расхаживать при всем параде. Чувствовался в нем гонор. Городок небольшой, тысяч на пять жителей, не так уж трудно тут отыскать капитана Мартина для тех, кто искать умеет...

Выпала короткая передышка – ну, мы, каюсь, втихомолочку раздобыли и, не увлекаясь, употребили некоторые вкусные напитки. Уж разведка-то умеет такое делать втихомолочку, начальство все понимает, что уж там...

Прошло два дня. И нагрянул ко мне Лева Вигель, весь какой-то из себя чутьочку стран-новатый, словно малость чем-то ошарашенный.

– Нашли? – спрашиваю.

Лева как-то странно глаза отводит:

– Да в общем как бы... Поехали.

Сел он за руль своего «Виллиса», и погнали мы со скоростью, для военных машин в городе недозволенной. Ну, да у него особый пропуск на лобовом, и каждый регулировщик знает, что СМЕРШ подчиняется лично и непосредственно товарищу Сталину... Умел Лева водить и любил погонять – и потом, в Германии, в очередной неразберихе, влетел сгорая в расположение эсэсовцев, да так, что развернуться и уйти уже не успел...

Несся он, несся – и проехали мы весь городок, оставили его позади. Я, конечно, помалкивал, ему виднее. Подъехали к кладбищу. В другое время я бы тут побродил обстоятельно, было на что посмотреть: там мраморный ангел, там мраморная женщина скорбит, в общем, красивого было много.

Но Лева с ходу двинул мимо всей этой красоты в дальний угол. Там картина была совершенно другая: десяток рядов могил попроще, скромные плиты, одинаковые, фотографии на эмали, и все, как я сразу заметил, в форме – воинское захоронение, ага...

В конце концов Лева останавливается у одной. Говорит:

– Присмотрись...

Я присмотрелся. И такая каша у меня в голове замутилась...

Он. Пан капитан Мартин, фамилия непроизносимая. Что-то там еще написано то ли польски, то ли по-латыни, но уж этого я не понимаю совершенно. А прочитав написанное латинским шрифтом «капитан Мартин» – большого ума не надо.

И даты, даты... Числа неинтересны, на них, в общем, наплевать. Родился он в апреле девятьсот десятого, а умер – то есть наверняка погиб – в первых числах сентября девятьсот тридцать девятого. Такие дела. Он, никаких сомнений, вылитый, знаки различия те же, взгляд гонористый, родинка на левой щеке. И не холодно, а словно бы чуточку подмораживает, и в голове как-то противно мутится... Ведь было!

– Он? – спрашивает Лева.

Я говорю:

– Он. Он самый, Лева, как две капли...

Лева читает вслух:

– Капитан Мартин (фамилию он выговорил без запинки, но я ее не повторяю, честно), «Польша – своему защитнику», а вот это сокращение означает «покойся с миром», уже по-латыни, принято это у католиков... – И, уставясь куда-то в сторону, словно бы вслух размышляя, рассуждая сам с собой, говорит: – Вот интересно, могут в одном городишке оказаться два капитана, полных однофамильца, друг на друга похожие, как близнецы? А?

– Как-то оно, Лева, сомнительно... – отвечаю я честно.

– Ага, – говорит он. – Тем более что ни один тут, кого расспрашивали, слухом не слышивал о живом капитане Мартине. Могут и скрывать, конечно, по недоброжелательству, однако ж... Дела...

И вот тут, не знаю, что накатило, не думая, встаю я в струночку и отдаю честь Мартиновой могиле. Лева покосился на меня, взял да и тоже козырнул в положении «навытяжку». И сказал:

– Поехали...

Возвращались мы молча. Добрались до его кабинета, Лева вынимает бутылку. Хороший коньяк, французский, «дважды трофейный» явно с тех же складов, что дивизия взяла месяц назад. Мы тоже там малость разжились, только свою добычу мы давненько оприходовали, а Лева был запасливый, как хомяк, да и пил в десять раз реже нашего, как-то душа у него не лежала...

Жахнули мы по трети стакана, карамельки, которые Лева на стол высыпал за неимением другой закуски, я и брать не стал. Что-то ни в одном глазу, голова ясная, но в ней полнейший сумбур...

– Лева, – говорю я, – товарищ капитан... Но ведь он был. И предупреждал. Иначе откуда б мы...

– Это, товарищ гвардии лейтенант, – говорит Лева. – Но если посмотрим на факты... Читал я твое донесение, второе, подробное, насчет капитана. Ты ведь его утром написал, когда на мосту еще саперы шуровали, и все мы были на том берегу?

– Ну да, – отвечаю я. – Майор Галимзянов сказал: эта саперная канитель надолго, так что, чтобы не болтаться без дела, закончи с бумажками, напиши второе, развернутое...

– Подтверждается со слов Галимзянова, – говорит Лева, и лицо у него застывшее какое-то. – Отсюда вытекает, что в городке ты быть никак не мог, могилу никак не мог видеть, и рассказать тебе про нее было попросту некому... Вот это уже факты, гармонирующие со словесами... Суровые такие факты, против которых не попрешь...

– Лева... – говорю я.

– Цыц, – говорит он не сердито, а словно бы уныло. – Помолчи пока. Узнаешь?

Достает из стола два листочка. Конечно, узнаю. То самое мое второе донесение, подробное. Лева его рвет в клочки, клочки складывает в пепельницу и поджигает.

– Первое я оставил, – поясняет он. – Насчет «местного жителя-поляка». Пусть себе лежит. Все равно, считай, дело прошлое, никому эта история с мостом уже неинтересна, забудут скоро. А второе я изъясил по всем правилам, по акту, передал-принял... А что делать, если мне оно было необходимо для последующей оперативной работы? И ни одна живая душа из наших не знала, что оно у меня. Искать капитана – это было не распоряжение начальства, а моя собственная инициатива, не оформленная бумагами. Проскочит. Никто не станет бюрократию разводить и выяснять, куда девалась бумажка, которую я у Галимзянова по акту забрал. Если дергаться из-за каждой бумажки, жизни не хватит, воевать будет некогда... Не было капитана, понимаешь? Местный житель – поляк, оставшийся неизвестным, был. А капитана никакого не было. Твои орелики про него уже наверняка и думать забыли...

– Наверняка, – говорю я. – На кой он им? Но, Лева...

Лева говорит негромко, без выражения:

– Товарищ гвардии лейтенант, мы с вами советские офицеры и коммунисты. И не должно в нашей жизни быть никакой мистики, верно ведь?

– Верно, – говорю я.

И нисколько не кривлю душой. Ну на кой черт мне мистика? Совершенно ни к чему, пошла она...

– Вот и молодец, – говорит Лева. – Будем материалистами, как нам и положено.

Налил по второй, призадумался, повертел стакан, сказал, не глядя на меня:

– Надо полагать, парень немцев крепенько не любил...

– Надо полагать, – киваю я.

– Давай за помин его души – и забыли о нем напрочь... – На том и кончилось. Могила, я думаю, и сейчас на своем месте, у поляков с этим строго. И ничего подобного со мной больше в жизни не случилось. Один сплошной материализм.

Ночные гости

Стояли мы в деревне возле самой Белоруссии. Деревушка небольшая, но и нас – всего-то пулеметный взвод, так что разместились очень даже выгодно, не так, как частенько бывало: набьемся, как кильки в банку, на одном боку всю ночь и проспим...

Справный солдат всегда должен проявлять смекалку и обустроиться как можно удобнее, святое дело. Мы со Степой Щербининым, моим вторым номером, стояли в хате у одинокой бабки, старая такая бабка, но шустрая. Мы ей моментально дровишек накололи (там у нее куча чурбаков лежала не первый год, не сгнили, но малость подпрели), заборчик поправили, банку керосину принесли, так что она радостно запалила лампу, которую, сказала, с тех пор не зажигала, как немцы в июле сорок первого появились. Бабка нам картошечки сварила, приволокла от кого-то самогонки бутылек, не меньше чем на литр, мы тушенку взрезали, немецкой трофейной колбасы покрошили... Очень культурненько выходило.

Комвзвода, человек старательный, поздним вечером обошел все хаты, проверить, как там обстоит с досугом личного состава. А что досуг? Досуг как досуг: сидим мы со Степой и с бабкой, ждем, пока картошка остынет, тушенку на хлеб кладем, попиваем чаек из собственных запасов, бабкой сваренный... По-церковному выражаясь, благолепие. А по-военному – строгое соблюдение устава. И бутылки никакой не видно, словно ее вовсе нету, и мы трезвехоньки.

Комвзвода наверняка что-то такое подозревал – не желторотый лейтенант ускоренного выпуска, довоенный кадровый. Не зря ж он на ярко горящую керосиновую лампу покосился, ход мыслей тут нехитрый, что два на два помножить... Но нас он знал давненько, соображал, что все будет путем. Так что не стал бы второй раз приходить, чтобы, значит, уличить. Кивнул, ушел...

Вот тут мы ее, родимую, на стол и выставили, достали походные немецкие стопочки – удобная штука, железные, вкладываются одна в другую, футлярчик из эрзац-кожи, и, главное, рассчитаны на хороший солдатский глоток, не много и не мало, в самый раз. Немцы насчет таких штук были аккуратисты: и ложки-вилки складные на одной плашке, наподобие перочинного ножика, и кубики лимонадные, да много чего...

Налили себе по полной, бабке помене. Выпили с удовольствием. Самогонка бывает и получше, да что ж тут привередничать... По одной-единственной выпили, подчеркну. Всего ничего.

Ну, закусили и, как люди степенные, начали было с бабкой про жизнь беседовать: как тут было при немцах, и вообще... Хата, надо уточнить, была крайняя, за ней только поле и лесок совсем уж подале.

И тут слышим мы: на улице конский топот. Громкий такой, отчетливый, не один конь, несколько, и никаких колес не слышно совершенно – значит, верховые. Откуда взялись? Кавалерии у нас и близко не было, может, подходит какая часть? Кто б нас предупреждал загодя?

Вот, думаю, нагрянули нахлебнички. Передовой разъезд, конечно. И поскольку едут они со стороны полей, то в хату, конечно же, зайдут. И не налить неловко, братья-славяне как-никак, и выйдет каждому по воробыиной порции, их там человек шесть. Ну да если с ними офицер, он им пить не даст – а вот нас, пожалуй что, взгрет, хоть и не нашей части, а все равно офицер...

Ну мы ж не первогодки! Хлоп – и во мгновение ока не стало на столе ни бутылки, ни стопок. Вот картошечкой, если что, со всем радушием поделимся, и колбасы навалом...

И точно, остановились они возле крыльца, возле заборчика. Вроде бы не спешиваются, и явственно слышно, как затворы залязгали. Это понятно: конная разведка, про нас не знают, идут походным маршем откуда-то издалека, а наш «Максим» стоит во двореке, у крылечка, на самом виду... Это понятно.

И рывкнули снаружи, неприятным таким басом:

– Хозяин! Живо выходи! Гранату бросим!

Ох ты ж твою мать, думаю, ну до чего бравы ребяташки! С ходу и гранату. А если мы немцы или полицаи? Если мы сами из окошка гранату шарахнем? Тщательней бы надо, увидел пулемет – окружил сначала хату, а уж потом начал гранатой пугать... Необстрелянные, что ли? Оттого по-дурному ретивые?

Бабка встала – и на лице у нее, вот что самое интересное, изобразилась именно что нешуточная скука. Я спросил тихонько:

– Выйдешь, бабуль?

– Да выйду... – сказала она, рукой махнула опять-таки этак, словно ей ужасно скучно. – Не останут иначе. Вы, сыночки, спокойно сидите, ничего не будет вредного...

Вышла она. Тот же басыще рывкает:

– Кто в деревне, старая? Красные есть?

Мы со Степой так на табуретках и присели: это еще что за сюрприз? Вроде бы никакие полицаи не должны в лесу прятаться, иначе нас бы в курс ввели...

Слышу, бабка отвечает – и опять-таки вроде бы со скукой, словно ей на этом свете уже ничего не страшно (а наверно, так оно и есть):

– Да нет никого, ваше благородие...

Ну, тут уж у меня уши опустились: какие, к дьяволу, благородия тут могут быть?

– А «Максим» откуда? Святым духом принесло?

– Солдаты проходили, бросили... Сломатый...

– Что-то он у тебя стоит аккуратно для брошенного сломатого, карга старая! Кто в хате?

– Да двое проезжающих...

Деловитое такое рывканье:

– Терещенко, Шарый! Хату обойдите, чтоб в окно не сиганули! Тарасов, держи коней! Остальные – за мной!

Думаю я лихорадочно: понятия не имею, кто там, но влипли мы, похоже, что-то это никак не смахивает на нашу конную разведку. Степин карабин в сенях – а в сенях уж сапоги грохочут. Сигать в окошко – там эти самые Терещенко с Шарым нас и встретят в два ствола. Наши, конечно, на выстрелы вскинутся, да и часовой на том конце ходит – только нас, гадать нечего, постреляют, как курей... В «сидоре» две гранаты, так их же ж в хате кидать – себе дороже...

– Степа, – говорю. – По обстановке...

Тут и дверь распахнулась. Первым вваливается рослый, уса́тый, в галифе, в ремнях, на гимнастерке золотые погоны, фуражка набекрень, чуб выпущен и шашка на боку, а в руке – маузер. За ним еще двое, с карабинами...

И тут я в секунды наметанным солдатским глазом оцениваю, что с ним не то: просветы у него на погонах есть, а вот звездочки ни единой. И кокарда на фуражке непонятная, овальная такая, в несколько цветов. И эти двое с карабинами – натуральная казачья: лампасы под цвет околыша, а на околышах те же кокарды... Точно, полицаи, нам уже приходилось сталкиваться: форма, правда, была не такая, но чудная, наподобие белогвардейской как бы... А наши пилотки на столе лежат, красными звездочками аккуратно в их сторону, так что при ясной лампе не рассмотреть невозможно...

Я сидел, к столу придвинувшись вплотную. Наган, который мне полагался как первому номеру, уже достал и держал на коленях. Ему оттуда точно не видно...

Уса́тый аж расплылся, будто ему пятки чешут, даже маузер опустил:

– Ну вот, стерва старая! Краснюки! Целых два! Будет кому ремешочки из спины нарезать...

Ох, изнобко у меня было на душе... А что делать? Бахну я в него – с такого расстояния не промахнусь, не в грудь, так – в пузо. И останется нас двое на двое, тут уж, пока те двое

с улицы добегут, может выйти и так, и сяк. Значит, бью я в него, вскакиваю, кидаюсь в сторону, пытаюсь достать тех двоих... Степа сиднем сидеть не будет, кинется, хоть у нас один наган получится против двух карабинов, но это еще бабушка надвое сказала – в комнатухе с карабином несподручно, они нас на прицеле и не держат... А там наши вскинутся... Короче, положение наше невеселое, но отнюдь не безнадежное, тут еще посмотреть, кто кого...

Все это у меня в голове пронеслось в секунду. Усатый стоит, держа маузер дулом в пол, скалится:

– Самогоночку пьем? Колбаску кушаем? Ну, что застыли, как говно на морозе? Смертушка ваша пришла, краснопузые, я вам напоследок хлебнуть не дам, не надейтесь...

Ах ты ж, думаю, гнида усатая... Ты ж явно из тех, кто не просто убьет, а поиздевается предварительно вволю... Ну уж тебя-то, полицай, я по-всякому достану...

Он немножко посерьезнел:

– Рожа неумытая, сколько вас в деревне?

Ох, пора... Собрался я с духом, тело напряг, прикинул кое-что – и отвечаю самым простецким тоном:

– А вот он лучше расскажет, тот, в углу.

И киваю в дальний угол. И ведь сработало: все трое туда машинально покосились. Взмаиваю я из-за стола, бью ему в грудь: р-раз! Два!

И тут... И тут по комнате как вихрем метнуло, пламя в лампе колыхнулось, едва не погасло, вот как-то этак воздух меж ими и нами поплыл, будто раскаленный...

И их не стало. Ни одного. Вот только что стояли – и нет никого. Только пороховой гарью несет после моих выстрелов. И на улице полная тишина.

Я надо всем этим даже подумать не успел. У меня в голове другое встало: сейчас наши, услышав выстрелы, подхватятся, кинутся сюда, командир прибежит. И застанет он нас с явственным запашком, и две пули в стене – видно отсюда, на потемневшем бревне два свежих попадания белеют. И огребем мы за пьяную стрельбу по самое не балуй...

И кинулся я наружу, мимо бабки, едва ее, болезную, с ног не сшиб. Одно у меня было спасение: стоять на улице с наганом, когда наши набегут. Мол, вышел по нужде, вижу в поле двоих с винтовками, окликнул их, а они драпать к лесу, ну, я пару раз вслед... Кто сказал, что тут совсем не может быть немцев-окруженцев или беглых полицаев? Даже если унюхают запах, все равно будет совсем другой расклад, чем если бы нас застукали в хате... Ну, принял грамулю. Ну, показалось что-то в поле. Ну, пальнул. Иные так палят и по-трезвому. Выпить-то успел всего ничего, обойдется крепким матом...

Только стою я, стою – а в деревне никаких признаков тревоги. Начинаю понемногу соображать, что ее и не будет. Наган, он не так чтобы уж оглушительно бабахает, стрелял я в хате, не на улице, часовой, надо думать, далеко, а наши спят мертвым сном, а если не спят, а сообщили наподобие нас, внимания не обратят...

Да, а на улице-то никаких коней. Тишина стоит...

И вот когда мне стало окончательно ясно, что нам свезло и тревоги не будет, тут до меня и дошло. Вспомнил, как эти непонятные только что стояли и вдруг исчезли, будто лампочку выключили. И возникла противная такая дрожь в коленках, и в животе мерзко заглодело, и на улице стало как-то страшновато торчать одному в темноте и тишине...

Сунул я наган в кобуру и пошел в хату. Степа как сидел, так и сидит, глаза по чайнику.

– Пахомыч, – говорит он, а язык заплетается. – Это что же? Это как же?

– Молчи, – говорю. – Разлей лучше. Да на стол не лей, полные ж уже ведь!

Беру рюмаху немецкую – и хлобысть! Как вода пошла. Но нервишки вроде подуспокоились. Сел я за стол, достал трофейный портсигар с трофейными же сигаретками, закурил, затянулся...

Бабка сидит тут же, и вид у нее самый равнодушный.

– Бабка, – говорю я. – Это что же за чудеса? Так не бывает.

– Да чего только не бывает, – ответила она преспокойно. – Бывает, сыночек, сам видел... Наезжают иногда... Не ложится, видать... Уж пару раз в год да наведаются...

– Это кто? – спросил я.

– А есаул Караев с казачками, из мамонтовцев. За полем, возле лесочка, их и закопали в девятнадцатом году – где положили. Они уходили, а их пулеметом с тачанки. А через годик стали... похаживать. Раза по два в год обязательно нагрянут, и почему-то только в мою крайнюю хату, дальше не идут. Подавай им, кто в деревне, подавай им красных... Пугались мы поначалу, и я, и дед, покойничек, а потом стало ясно, что вреда от них никакого. Поорут у крыльца, в избу ввалятся... И если грохнуть чем посильнее, как мы уж потом сообразили, сковородой там о сковороду, или табуреткой в стену – пропадут вмиг. Вот как ты сейчас из пистолета стрельнул. Теперь до-олго не появятся... Ты выпей, сынок, закуси, глупости это все, ничуть не вредные...

Выпили мы со Степой еще, закусили – смотрю, и как-то оно совсем от души отлегло. Хотя мурашки по спине еще ползают. Тут встречается Степа:

– Бабуль, а вы б в город? Ученым?

Бабка на него посмотрела как на несмышленища:

– Да мы тут привыкли как-то и без города, и без ученых обходиться... Все равно ни медали не дадут, ни даже керосина...

Степа горячится:

– Нужно же было сообщить...

Молодой был, с десятилеткой, не то, что я. После войны хотел на кого-то там учиться в институте. Только его под Варшавой... Наповал стукнуло.

– Степа, – сказал я. – Солдат ты стал хороший, я тобою, как вторым номером, доволен полностью. И парень ты очень даже неглупый, такие слова знаешь, что я и не выговорю... Слышал когда-нибудь, чтобы ученые твои такое изучали? Это ж натуральные привидения!

– Они, сыночек, – поддакнула бабка. – Прывиды, как белорусы наши говорят. А в прывидов давненько уж верить не положено, как и во всякую другую чертовщину. Ты старшего слушай, он пожил, понимает, что к чему...

– Точно, Степа, – сказал я. – Не положено нынче верить в чертовщину. Даже я, с моими тремя классами и четвертым коридором, краем уха слышал, что ученые в чертовщину не верят... Давай-ка лучше по стопке, когда еще придется... И бабуле самую чуточку, а, бабуль?

Разлили, выпили. Смотрю, Степа понурился, весь задор потерял. Бормочет:

– Действительно... Мистика, поповщина, обскурантизм...

– Видала, бабка, какой у меня напарник? – говорю. – Какие слова знает. Я и с трех раз не выговорю... Только горяч по молодости лет – ну да это проходит...

Степу малость развезло:

– После войны обязательно сюда вернусь! С фотоаппаратом... Примете, бабушка?

– Да со всей душой, голубь, – говорит бабка кротко, как дитенку. – Кто ж тебя не примет, освободителя? Ты, главное, воюй поосторожней, чтоб вернуться...

– Вот это другое дело, Степа, – сказал я. – После войны возвращайся хоть с фотоаппаратом, хоть с этим, как его... с микроскопом. А пока что давай помалкивать намертво. Никто нам с тобой не поверит, а командир решит, что мы до зеленых чертей, то бишь покойных казачков, назюзюкались... Бабуля все равно открестится, правда, бабуль?

– Уж точно, – кивнула бабка. – Знать ничего не знаю, видеть не видела. Они для меня безобидные, как дождик, за столько лет привыкла... Пусть себе ездят, не каждую ночь же...

– Вернусь обязательно! – заверил Степа, на табуреточке пошатываясь.

– Вернешься, сокол, – кивает бабка.

– Вернешься, – говорю и я. – А пока что давай допьем, да на боковую. Поднимать нас будут рано, нам нужно будет преотлично выглядеть, как и не пили. Не первый раз, понимать должен...

Степа еще немного пошебутился – ну вот вернется он непременно со всякими научными штучками! Однако солдат все же получился к этому времени справный: не буяня, допил остатки, и завалились мы спать без задних ног.

Так мы никому и не рассказали. Степа под Варшавой лежит. А меня вот, честно, пару раз после войны подмывало: взять да и съездить к бабке, авось, не померла. Теперь, когда знаешь, что они неопасные, даже интересно было бы такое кино еще разок посмотреть.

Только где же? Вернулся я к себе на Алтай, и забот было невпроворот: я ж не Степа покойный, мне хозяйство поднимать нужно было – жена без мужика ох, хлебнула, детишки батьку подзабывать стали, дичились поначалу, да и в колхозе хлопот невпроворот. Может, они и сейчас ездят? К тому, кто на бабкином месте поселился? А кто ж их знает. Упрямые, морды белогвардейские. Только и сейчас то же самое отношение к поповщине... и – как это там Степа тогда? – обскурантизму.

Так что – ну их подальше. Ну, было. И хрен с ним со всем...

Извинения

Девушке на войне тяжело. Потяжелее, чем мужчинам. Есть масса чисто бытовых проблем, и еще одна, может, даже и главная... Девушку постоянно хотят. И сплошь и рядом приставания идут в такой форме, что... Ну, в общем, мало приятного. Это не гражданка, милиционера не позовешь. Да и начальству не будешь всякий раз бегать жаловаться. Приходится учиться управляться самой. А уж особенно тяжело приходилось, когда на девушку, как говорится, западает командир, да если еще достаточно вышестоящий... Сейчас я ни на кого не держу ни капельки зла, ни обиды. Понимаю, что они тогда чувствовали. Никто на передовой не знает, будет ли он жив завтра. Так что, грубо говоря, хоть подержаться... Можно понять, но это сейчас, а тогда я злилась невероятно.

Не нужно врать, что там все были недотроги. Сплошь и рядом – ох как наоборот. И я не только про ППЖ. Случаи бывали самые разные. На Первом Белорусском у нас в госпитале была такая Ирочка-москвичка. Она жила с разведгруппой. Вот именно что со всеми восемью: ну, я так полагаю, по очереди, конечно... Красивая была девочка, яркая, но по характеру – с большой буквы «Б». Мы с подругой, обе правильные, с комсомольским задором, попытались было всерьез ее стыдить – а она даже не рассердилась. Прищурилась, как кошка, и говорит:

– Ой, девки, какие вы дурехи еще... А убьют меня завтра? И буду лежать с ..., заросшей паутиной? Хоть жизни порадуюсь...

И кстати, ее потом и правда убило под Сандомиром, при налете. Теперь я ее понимаю. Нет, вернись все снова, я бы себя вела точно так же, но лезть к ней с нравоучениями и в голову бы не пришло...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.